

Н. БАХТИНЪ
РАЗЛОЖЕНІЕ ЛИЧНОСТИ
И ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ

1.

Мы далеко еще не освободились отъ власти отошедшей эпохи — той, что завершилась Войною — и во многомъ мы все еще только покорные продолжатели основныхъ тенденцій ненавистнаго 19-го вѣка. Въ частности, чувство личности, какъ оно опредѣлилось въ ту эпоху, въ значительной мѣрѣ остается господствующимъ и теперь. Его основная особенность это рѣшительное перенесеніе центра тяжести извнѣ — во внутрь. Отсюда, расцвѣтъ такъ называемой «внутренней жизни» и, какъ его послѣдствіе, нѣкій основной разладъ: сознательно-принятая и оправдываемая несогласованность между нашимъ Я и его проявленіями въ мѣрѣ.

Правда разладъ этотъ намѣчался уже давно, но лишь въ 19-мъ вѣкѣ онъ становится господствующимъ явленіемъ и даже провозглашается нормою всякой подлинной жизни. Въ довоенныя десятилѣтія онъ достигаетъ своихъ предѣльныхъ формъ, а въ наши дни — очень медленно — идетъ на убыль.

2.

Разсмотримъ сначала это явленіе на крайне упрощенномъ и схематизированномъ примѣрѣ.

Нѣкто X («средній» человекъ 19-го столѣтія) спитъ, ѣстъ, ходитъ на службу туда-то и т. д.... Допустимъ, что подобнымъ образомъ намъ даны всѣ внѣшнія проявленія его личности. Знаемъ ли мы Икса? Оказывается, нѣтъ. Ибо X рѣшительно откажется отождествить себя со своими собственными обнаруженіями. Настоящий X. нѣчто иное и большее: онъ собственно и начинается только тамъ гдѣ эти обнаруженія кончаются. Мѣсто, которое онъ занимаетъ во вселенной — въ значительной мѣрѣ случайное: оно не опредѣлено всецѣло его внутренней сущностью. Дѣйствія, которыя заполняютъ каждый день его жизни, всю его жизнь, — отнюдь не являются адекватнымъ выраженіемъ его дѣйствительныхъ желаній, вкусовъ, мыслей — словомъ его подлиннаго Я. Это Я живетъ

скрытно, какъ-то въ сторонѣ отъ своихъ же собственныхъ актовъ, почти въ нихъ не участвуя.

Итакъ, X. вѣрить, что онъ е с т ь нѣчто совершенно иное нежели то чѣмъ онъ является во внѣ. Онъ мыслить, чувствуетъ, страдаетъ, радуется, — и все это почти ни въ чемъ не измѣняетъ хода его жизни, которая предоставлена своей инерціи и движется по какимъ-то своимъ, чуждымъ ему, законамъ. Онъ живетъ одновременно какъ-бы въ двухъ несоизмѣримыхъ планахъ. У него нѣтъ силы согласовать свои поступки со своимъ душевнымъ состояніемъ, но онъ ни за что не откажется и отъ душевныхъ состояній, поскольку тѣ явно опровергаются его же собственными поступками. Онъ принимаетъ раздѣленіе и, въ концѣ концовъ, начинаетъ находить въ немъ особую, болѣзненную сладость. Притомъ же, у него всегда есть подъ рукой разнообразныя и дешевыя суррогаты жизни, избавляющіе отъ надобности дѣйствительно жить: романъ, газеты, алкоголь... Ими онъ и питаетъ свою «внутреннюю жизнь». И «внутренняя жизнь» усложняется, крѣпнеть за счетъ внѣшней и, въ концѣ концовъ, уклоняетъ всѣ активныя энергіи его существа отъ дѣйствія (которое требуетъ рѣшимости и выбора) къ мечтательному самоуглубленію (которое требуетъ только косности). Несогласованность между внѣшнимъ и внутреннимъ растеть и чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе возстановить единство.

Накопляя свои внутреннія сокровища, X. лишь идетъ по линіи наименьшаго сопротивленія. И при этомъ его притягательное безсиліе оправдываетъ себя услужливой софистикой: онъ гордо вѣрить, что эти мнимыя богатства законно избавляютъ его отъ необходимости бороться съ дѣйствительною скудостью его жизни.

3.

Что X. совсѣмъ не исключеніе, — тому свидѣтельствомъ чуть не вся художественная литература 19-го вѣка. Болѣе того — X. герой этой литературы. То, что онъ живетъ въ разладѣ съ самимъ собой и своей жизнью опровергаетъ самого себя, — вызываетъ умиленіе. Наоборотъ, какойнибудь Y, который смѣетъ быть тѣмъ, что онъ есть и адекватно выражаетъ свою (обычно ничтожную но зато реальную) сущность, — Y вызываетъ негодованіе и презрѣніе. Кончается тѣмъ, что Y самъ начина-

еть стѣсняться своей цѣльности и хочетъ увѣрить себя и другихъ, что и онъ не безъ разлада: занимаюсь де коммерческимъ представительствомъ, но ежели бъ вы заглянули въ мою душу... и т. д. Въ концѣ концовъ, У и на самомъ дѣлѣ заболѣваетъ внутренней жизнью, и эпидемія растеть.

Для того чтобы обозначить этого рода явленія, Жюль де Готье даже придумалъ особое слово: «Боваризмъ» (въ честь флюберовской героини, которую онъ считаетъ классическимъ выраженіемъ этого разлада). Слово привилось, — лишнее доказательство того, что оно выражаетъ существенный фактъ. Впрочемъ, самъ Готье видитъ здѣсь не временную аномалію, но нѣкій основной и извѣчный законъ; его опредѣленіе «боваризма» таково: всякое бытіе сознаетъ себя инымъ, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности. Если нѣсколько видоизмѣнить эту формулу, звучащую чуть не по-гегелевски, и должнымъ образомъ ограничить сферу ея примѣненія, то получается простое и несомнѣнное утвержденіе: человекъ 19-го вѣка обыкновенно не смѣетъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ себя сознаетъ, и не хочетъ сознавать себя тѣмъ, что онъ есть.

4.

Разсмотрѣнный нами случай — простѣйшій и банальный. Но на верхахъ культуры и жизни разладъ еще глубже. Здѣсь онъ принимаетъ разнообразныя и крайне сложныя формы, тѣмъ болѣе опасныя и заразительныя, что у поэтовъ и философовъ онъ облакаются всѣми соблазнами таланта и изощренной діалектики. Искусство и философія превращаются въ могучіе наркотики. Техника забвенія достигаетъ высокаго совершенства. Не жить, не дѣйствовать, не хотѣть; создать въ себѣ самомъ плѣнительный и призрачный міръ, всецѣло покорный твоему капризному произволу, — затвориться въ немъ!

Впрочемъ, внѣшняя жизнь такого человекъ можетъ быть иногда крайне сложной и богатой событіями. Но это ничего не мѣняетъ. Всѣ эти событія для него лишь острые возбудители, которыми онъ неустанно раздражаетъ, тревожитъ и усложняетъ свою внутреннюю жизнь. Онъ можетъ мѣнять страны, города, любовницъ. Но гдѣ бы онъ ни былъ, съ кѣмъ бы ни былъ, — всюду, всегда онъ ищетъ только себя: свою грусть, свою гордость, свою радость, свое отчаяніе. Только они ему и нуж-

ны. Онъ безысходно заточилъ себя въ своей внутренней тюрьмѣ. Все многообразіе міра для того, чтобы вновь и вновь, во все новыхъ условіяхъ, по все новому поводу, разнообразить, изощрять и дегустировать свои реакціи на міръ. То-есть, онъ уже не живетъ въ мірѣ, уже не судитъ міра, но лишь забавляется его капризными отображеніями въ себѣ самомъ.

Возможенъ и обратный случай. вмѣсто того чтобы укрыться отъ внѣшней жизни, можно, наоборотъ, стать «человѣкомъ дѣйствія», но только затѣмъ, чтобы забыть себя, уйти отъ мучительнаго ритма своего раскѣпощеннаго сознанія, потерять себя въ событіяхъ и дѣлахъ...

Во всѣхъ этихъ случаяхъ обнаруживается одно: форма личности (то, какъ она проявляетъ себя во внѣ) и ея содержаніе (то, какъ она сама сознаетъ себя изнутри), — иначе говоря дѣйствіе и сознаніе — перестали быть двумя нераздѣльными аспектами единаго Я. Потерявъ свое единство, личность теряетъ и свою живую связь съ міромъ. И причина всего этого — такъ называемое «богатство внутренней жизни», которымъ такъ гордился человѣкъ 19-го вѣка.

Но что такое «внутренняя жизнь»? Это сознаніе утерявшее прямое соприкосновеніе съ реальностью, сдѣлавшееся самоцѣлью и переставшее поэтому быть силой, оформляющей жизнь.

6.

Дерево, которое растетъ и, покорное ритму времени, медленно развертываетъ свою сущность въ зримый образъ; стервятникъ, плавно кружащій и круто падающій на добычу; жаворонокъ взмывающій въ лазурь и хищникъ собравшійся для стремительнаго прыжка, — всѣ они цѣльно и безъ остатка присутствуютъ въ каждомъ своемъ актѣ, ихъ существо всецѣло осуществляетъ себя въ любой данный моментъ своего бытія. Отсюда то впечатлѣніе недостижимаго, какъ-бы божественнаго совершенства, которое поражаетъ насъ въ формахъ и явленіяхъ космической жизни.

Здѣсь обликъ и сущность, органъ и его функція, желаніе и актъ, чувство и выраженіе, бытіе и явленіе — словомъ, внѣшнее и внутреннее — нераздѣлимо одно. То-есть форма здѣсь вовсе не

чуждая оболочка, облекающая и скрывающая содержание, а наоборот — его чистѣйшее выражение. Скрытая сущность восходитъ къ зримому облику, бытіе расцвѣтаетъ явленіемъ и радостно обличаетъ себя въ немъ до послѣднихъ глубинъ.

Природа и есть это неустанное творческое прорастаніе незримаго въ зримое, живое тождество внѣшняго и внутренняго. Это внушило Гете знаменательную формулу, которая послужитъ какъ бы лейтъ-мотивомъ дальнѣйшаго изложенія:

Ничто не внутри, ничто не во внѣ,
Ибо все что внутри — во внѣ!

7.

Но изъ этого существеннаго единства, изъ этой живой цѣльности космоса человѣкъ чувствуетъ себя какъ-бы исключеннымъ:

Невозмутимый строй во всемъ,
Согласье полное въ природѣ;
Лишь въ нашей призрачной свободѣ
Разладъ мы съ нею сознаемъ.
Откуда, какъ разладъ возникъ?...

Да, откуда возникъ разладъ? Какой новый факторъ выросъ и словно клиномъ вошелъ между нами и нашими актами, между нашимъ внутреннимъ Я и его зримымъ обнаруженіемъ въ мірѣ, — и разорвалъ наше древнее единство? Имя этому новому фактору — сознание.

Но что такое сознание? Возможность колебанія и выбора т. е. свобода.

Выражаясь точнѣе, сознание — какъ отчасти и опредѣляетъ его Бергсонъ — есть ничто иное какъ возможность выбирать между нѣсколькими, равно осуществимыми, актами. Тамъ, гдѣ внѣшнее воздѣйствіе, желаніе или представленіе автоматически, съ необходимостью вызываютъ актъ, — тамъ сознанию, въ собственномъ смыслѣ, нѣтъ мѣста.

Между желаніемъ (или внѣшнимъ поводомъ) и сопутствующимъ ему актомъ не происходитъ никакой задержки, никакого колебанія. Отсюда то впечатлѣніе цѣльности и совершенства въ природныхъ явленіяхъ, о которомъ я говорилъ. И отсюда же — возможность разлада въ человѣкѣ. Возможность, но еще не фактъ.

Ибо сознание есть свобода, а всякая свобода двойственна. Съ одной стороны, оно положительная свобода выбирать между возможностями т. е. сознательно и твердо перейти отъ переживанія къ акту, иначе говоря: вольнымъ усиліемъ утвердить свое единство.

Но, съ другой стороны, сознание есть и отрицательная свобода: свобода уклониться отъ активнаго выбора, остановиться на переходномъ моментѣ, т. е. предаться бесплодному созерцанію неосуществляемыхъ или неосуществимыхъ возможностей. Это значитъ — отдаться самосознанию безъ самоосуществленія т. е. «внутренней жизни».

Итакъ, то единство, которое дано всему сущему самымъ фактомъ его бытія, — человѣкъ долженъ его силою завоевать и волею осуществить. Ему одному предоставлена высокая и опасная свобода: онъ воленъ быть или не быть цѣльнымъ.

Вотъ почему приведенныя только-что слова Гете, которыя лишь устанавливають фактъ наличествующій въ космической жизни, по отношенію къ человѣку звучатъ какъ призывъ и долженствованіе.

8.

Опредѣливъ функцію сознанія, какъ выборъ между нѣсколькими возможными актами, мы тѣмъ самымъ установили и его нормальную функцію. Оно лишь обратная сторона акта, лишь переходное состояніе, какъ бы предварительная стадія готовящагося и назрѣвающаго дѣйствія. И только по отношенію къ этому — имъ предваряемому — дѣйствію сознаніе получаетъ свой смыслъ и свое мѣсто. Если же оторвать его отъ акта, къ которому оно тяготеетъ, какъ къ своему нормальному завершенію, и превратить въ самоцѣль, — тогда и возникаетъ «внутренняя жизнь» и, какъ ея неизбежное слѣдствіе, разрывъ между формою и содержаніемъ личности.

Подчеркиваю, что именно это я разумю подъ «внутренней жизнью» (т. е. сознание ставшее самоцѣлью, самосознание помимо самоосущест-

вленія). Если же этого нѣтъ, если оно властно тяготѣетъ къ акту и съ нимъ нераздѣльно, то неумѣстно говорить о «внутренней жизни», это уже просто жизнь т. е., въ согласіи съ предыдущимъ: творческое тождество внѣшняго и внутренняго, неустанное прорастаніе незримаго въ зримое.

9.

Но какъ слагается эта «внутренняя жизнь» и гдѣ ея истоки? Отвѣтъ покажется, на первый взглядъ, нѣсколько страннымъ.

Внутренняя жизнь зарождается изъ трусливаго сластолюбія и безсильной жадности. Этими же чувствами она питается и живетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь проростаніе сознанія въ актъ, внутренняго во внѣшнее, какъ мы только-что видѣли, осуществляется въ выборѣ. А «выбрать», по прямому смыслу слова, это значить: утвердить одинъ возможности, мужественно отвергнувъ другія, неисчислимыя. Ибо, чтобы только одна изъ нихъ стала дѣйствительностью, приходится отказаться отъ множества другихъ. Итакъ, дѣйствительный выборъ предполагаетъ прежде всего готовность къ отреченію.

Если этой готовности нѣтъ, если духъ сластолюбиво и жадно цѣпляется за всѣ раскрывающіяся передъ нимъ противорѣчивыя возможности и не хочетъ ничѣмъ поступиться изъ этого, еще призрачнаго, богатства, — тогда ему остается только одно: уклониться отъ осуществленія (ибо таковое вѣдь предполагаетъ отказъ отъ многаго и желаннаго). И вотъ онъ останавливается на переходномъ моментѣ сознанія и передаетъ любованію возможностями ради нихъ самихъ.

Вѣдь поступившись осуществленіемъ, дальше ужъ ничѣмъ поступаться не приходится: во «внутренней жизни» все смѣшивается, все сочетается, все возсоединяется, самые противорѣчивые элементы уживаются рядомъ и сладостно восполняютъ другъ друга — только бы не пытаться ихъ осуществить!

Такъ сластолюбецъ населяетъ свой душевный міръ этими мертворожденными актами — призраками актовъ, которымъ не суждено стать дѣйствительностью — и услаждается ими втихомолку. Сферу сознанія —

гдѣ черезъ отреченіе долженъ осуществляться выборъ — оно превращаетъ въ мѣсто болѣзненныхъ услажденій, а мысль — въ пустую игру духа съ самимъ собой.

Итакъ, «внутренняя жизнь» не имѣетъ собственно никакого положительнаго содержанія. Она слагается — каждый можетъ провѣрить это на себѣ самомъ — изъ образовъ того, что неосуществимо или не осуществилось, чего мы не умѣемъ или не смѣемъ или не хотимъ осуществить, — но отъ чего мы все-таки не рѣшаемся до конца отказаться, властно оттолкнуть въ забвеніе. Наоборотъ, мы тщательно культивируемъ эти образы; отвращаясь отъ міра, мы жадно всматриваемся въ ихъ смутное протеканіе и ищемъ въ немъ — свое Я. Погружаясь въ эту мелькающую муть, мы вѣримъ, что «погружаемся въ себя» — въ свою сокровенную и существенную глубину...

10.

Знаменательно, что какъ разъ въ тѣ моменты высшаго напряженія, когда человѣкъ бываетъ въ наибольшей степени собою, онъ менѣе всего думаетъ о себѣ: его взоръ обращенъ не внутрь, на свое Я, но во внѣ, въ міръ, на объектъ дѣйствія. Онъ весь въ своемъ актѣ. И такъ бываетъ во всѣхъ сферахъ жизни: все равно, будь то геологъ размышляющій о природѣ первороднаго грѣха или начальникъ ведущій въ атаку свой эскадронъ, хирургъ оперирующій больного или любовникъ въ постели своей возлюбленной. Внутреннее конкретно отождествляется съ внѣшнимъ; чувство себя, своей цѣльности и полноты пронизываетъ самый актъ, нераздѣльно сопутствуетъ его ритму и, какъ острый привкусъ, сопровождаетъ его осуществленіе.

Всякій, въ той или иной формѣ, извѣдалъ это и можетъ вспомнить, что это, настоящее, чувство личности менѣе всего похоже на самоуглубленіе и самосозерцаніе. Нѣтъ, для самоуглубленія и самосозерцанія надо предварительно распуститься, размякнуть т. е. уже перестать быть собою. Поэтому немудрено, что всѣ самосозерцатели, пускавшіеся на поиски собственнаго Я черезъ самоанализъ и интроспекцію, никакого Я въ концѣ концовъ не находили: подъ ихъ ищущимъ взоромъ оно неизмѣнно распалось на душевные атомы, на какіе-то психическіе клочки и обрывки, не связанные ни въ какое единство. Вся художественная литература психологически-аналитическаго склада, завершенная Прустомъ, иллюстрируетъ

это явление, смыслъ котораго можно резюмировать словами одного изъ ея характерныхъ представителей — Амизля:

«Черезъ самоанализъ я упразднилъ самого себя».

Подъ влияніемъ этой литературы, многіе рѣшительно провозгласили, что личность лишь фикція, миѳъ, понятіе юридическаго происхожденія или пустое собирательное имя для ничѣмъ между собою не связанныхъ психологическихъ состояній.

11.

Что «внутренняго Я» не нашли, это понятно, ибо такового дѣйствительно нѣтъ. Я — субъектъ дѣйствія и, постольку, наличествуетъ только въ дѣйствіи, раскрываетъ себя только въ немъ. Оно не есть нѣчто чисто-внутреннее, столь же мало, впрочемъ, какъ и нѣчто чисто-внѣшнее. Какъ каждый актъ подлинной жизни, какъ сама жизнь, личность есть тоже живое тождество внѣшняго и внутренняго.

Поскольку это тождество нарушено, личности уже нѣтъ. Остается только матеріалъ изъ котораго она можетъ быть создана: разрозненныя психологическія состоянія и случайныя, несвязанныя съ ними, акты. Поэтому бессмысленно было искать въ себѣ единство личности, которое самъ же разрушилъ, и удивляться потомъ, что его не находишь.

Это единство нельзя просто найти въ себѣ въ готовомъ видѣ, его можно только осуществить: неустаннымъ усиленіемъ возводить свою скрытую сущность въ свое зримое обнаруженіе, всей волей, всѣмъ сознаниемъ проростать въ актъ, въ дѣйствіе, въ міръ, —

Чтобы все, что внутри, было во внѣ.